

Глава 1

ОСНОВОПОЛОЖНИК СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Я нахожусь в самом огне борьбы.
Моя жизнь — это жизнь солдата,
у которого нет отдыха, ибо нужно
спасать наш дом...

Ф.Э. Дзержинский

В вихре революций всегда появляются неординарные личности, которые оказывают определенное влияние на ход событий и судьбы многих людей. Одним из таких участников Февральской и Октябрьской революций 1917 года в России был Феликс Эдмундович Дзержинский — сын земли белорусской, активный участник польского, литовского и русского революционных движений.

Для победы любой революции необходимо решить три главные задачи: сломать старую государственную машину, организовать защиту революции и создать новый аппарат власти.

Велика роль Дзержинского в решении основных задач при подготовке и проведении Октябрьской революции. Он стал непосредственным участником уничтожения прежней политической системы с того момента, когда был введен в состав партийного Военно-революционного центра по руководству вооруженным восстанием. На нем лежала ответственность за охрану штаба революции. Он руководил захватом центрального телеграфа и телефонной станции, что имело большое значение для успешного завершения вооруженного восстания.

Но в историю советского государства Дзержинский вошел прежде всего как талантливый организатор защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Некоторые государственные деятели, журналисты, публицисты, писатели после официального отказа правящих кругов от коммунистической идеологии требуют от новых институтов власти скорее вычеркнуть из народной памяти попытку построить социалистическое общество в СССР. Они не хотят признать, что основной движущей силой общества является народ и глубочайшие корни любой революции следует искать не только в идеологии, но и в духовной и материальной неудовлетворенности народа.

«Со стороны мыслящей части русского общества, стремящегося к национальному возрождению родины и призванного руководить им, — писал еще в 1923 году русский философ С. Л. Франк, — нужна величайшая внимательность к народной душе, преодоление всех слепых чувств мести и ненависти, величайшая политическая трезвость и духовная свобода, чтобы облегчить и ускорить этот процесс.., от нормального осуществления которого зависит вся судьба России».

У людей разные представления о добре и зле. Один и тот же факт или событие нашей истории у одного вызывает негодование, а другого приводит в восторг. Как оценить то, что сделал человек на протяжении всей своей жизни? Очевидно, в основе оценки человеческой деятельности должны лежать принципы нравственности и проявления лучших качеств. Философы к лучшим чертам характера человека относят доброжелательность к людям, мудрость и твердость характера. Все прочие качества человеческой души, такие как благородство, гордость, откровенность, самолюбие, справедливость, сдержанность, толерантность, тактичность, деликатность, оптимизм, самостоятельность в принятии решений, настойчивость в достижении поставленных целей и т. д., имеют строгую, непосредственную связь с названными.

Определяемые личностными качествами поступки и поведение человека должны вызывать уважение или антипатию окружающих. Каким был Дзержинский в глазах своих сверстников и соратников, друзей и врагов? Каким он был во внутригосударственной и внешнеполитической деятельности? Сейчас одни считают его послушным исполнителем воли Ленина, мрачной личностью, другие — кристально честным, гуманным, романтичным «рыцарем революции».

Очевидно, первые спешат создать образ Дзержинского — «кровавого палача», маньяка и садиста, вторые — сделать из него символ правового государства, бескомпромиссной и жесткой борьбы с преступностью, символ чести и справедливости.

Чтобы оценить все сделанное Дзержинским в истории советского периода России, важно рассмотреть формирование его личности и духовного мира, характер взглядов и убеждений, направленность многогранного таланта революционера, отстаивавшего идеалы социалистического общества.

Процесс формирования мировоззрения Дзержинского был сложным, подчас противоречивым. В нем отразились основные вехи его жизненного пути — от впечатлительного религиозного подростка до видного государственного деятеля.

Родился Дзержинский 11 сентября 1877 года в имении Дзержиново Ошмянского уезда Виленской губернии (ныне — Столбцовский район Минской области). Его родители происходили из семей польских дворян.

Благодаря усилиям старшего архивиста Ленинградского центрального исторического архива С. В. Судакова удалось составить «выпись» из родословной рода Дзержинских (справка № 4937 от 24 августа 1926 года). «Выпись» эта начинается следующими словами: «Предок рода Дзержинских, ротмистр Николай Дзержинский приобрел по купчей крепости 11 апреля 1663 года от чашника Бурдо недвижимое

с десятью дворами крестьян имение Спицы, Самогитского Княжества, в Крожском уезде».

Из дальнейшего рассказа «выписи» видно, что Дзержинские принадлежали к мелкой, незажиточной шляхте.

От, Эдмунд-Руфин Иосифович Дзержинский — окончил Петербургский университет, преподавал физику и математику в Таганрогской классической мужской гимназии и Мариинской женской гимназии. Заболев туберкулезом, он ушел на пенсию и по совету врачей переехал в свое имение Дзержиново, земли которого сдавались в аренду. К своим арендаторам и жителям окрестных деревень Дзержинские относились хорошо. Крестьяне уважали их, приходили за советами, помощью и никогда не получали отказа. Феликсу не было еще и 5 лет, когда на 43-м году жизни умер отец. Похоронен он был на родовом кладбище в деревне Деревная. На надгробной плите благодарными земляками высечена надпись: «Покой праху Справедливого».

Мать, Елена Игнатьевна (в девичестве Янушевская), родом из семьи профессора, преподавателя высших учебных заведений в Петербурге. Став вдовой в 32 года, имея на руках 8 детей, старшему из которых было всего 12 лет, а младшему — 1 год и 3 месяца, Елена Игнатьевна при трудном материальном положении сумела создать комфортные условия для духовного и физического развития своих детей. Жили они на скудную пенсию отца, арендную плату за Дзержиново и на небольшую, но регулярную помощь ее матери Казимиры Янушевской, которая после смерти своего мужа проживала в усадьбе Иоды под Вильно.

С самого раннего возраста детей приучали к труду, самообслуживанию и взаимопомощи. В семье царил атмосфера дружбы и любви. Елена Игнатьевна, получившая прекрасное домашнее воспитание, знавшая несколько иностранных языков и хорошо разбиравшаяся в польской и русской литературе, музыке, воспитывала в детях любовь к знаниям,

уважение к простым людям и неприязнь к несправедливости и злу.

Ее дети дружили с крестьянскими ребятами из соседних деревень, летом постоянно совершали самостоятельные длительные поездки на лодке по реке Усе (приток Немана) и прогулки в живописнейшие уголки Налибокской пущи, ходили в лес за ягодами и грибами, катались верхом на лошадях.

Атмосфера родного дома, в которой воспитывался Феликс, была пропитана духом польского патриотизма и католицизма. В ранней молодости он был настолько религиозен, что даже мечтал стать ксендзом.

Детство Феликса совпало с периодом, когда польское восстание 1863 года всколыхнуло всю западную окраину России. Там были еще свежи воспоминания о карательных экспедициях генерала М. Н. Муравьева. «Я помню вечера в нашей маленькой усадьбе, когда мать при свете лампы рассказывала... о том, какие контрибуции налагались на население, каким оно подвергалось преследованиям, как его донимали налогами...», — писал впоследствии Ф. Э. Дзержинский.

Он рос резвым и чутким ребенком, любил природу и животных. Ему были присущи все детские проказы и шалости, но он никогда не совершал жестоких или грубых поступков. С 6 лет старшая сестра Альдона начала учить его читать и писать по-польски, а с 7 лет — по-русски. К 9 годам она подготовила его для поступления в гимназию, и осенью 1887 года Феликс выдержал экзамен и был принят в первый класс Первой гимназии в Вильно.

Влияние семьи, особенно матери, имело огромное значение для формирования характера Феликса Эдмундовича. «Уже тогда мое сердце и мозг чутко воспринимали всякую несправедливость, всякую обиду, испытываемую людьми, и я ненавидел зло», — отмечал он позднее в своих письмах.

Переехав жить в Вильно, мать и дети по-прежнему проводили лето в Дзержиново. Последний раз до революции Феликс был там в 1892 году. Любовь к природе, память о родных местах навсегда остались в его сердце.

3 июня 1913 года он пишет своей сестре Альдоне: «Здесь ведь память о тех, кого любишь, особенно жива, она бежит к ним, и вновь оживают эти давние-давние годы, когда мы были вместе; сколько улыбок, любви окружало нашу юность и детство. Деревня, кругом леса, луга, поля, речка неподалеку, кваканье лягушек и клекот аистов. Вся эта тишина и прекрасная музыка природы по вечерам, и утречком роса на траве, и вся наша крикливая орава малышей, и звучный, далеко слышный голос мамы, созывающий нас из леса и с реки домой, к столу, и этот наш круглый стол, самовар, и весь наш дом, и крыльцо, где мы собирались, и наши детские огорчения и заботы мамы... Все это навсегда, бесповоротно унесла жизнь, текущая безудстанно вперед, но осталась память об этом, любовь и привязанность, и они будут жить в душе каждого из нас до самого заката нашей жизни»

Окончилось детство, которое оставило на всю жизнь неизгладимый след в душе Феликса. И куда бы потом не бросала его судьба — в Польшу, Литву, различные районы России, Швейцарию, Германию или во Францию — нигде, в тюрьме или на каторге, в подполье или эмиграции, он не расставался в мыслях со своими родными местами. «Я ведь не раз думаю о нашем Дзержиново как о сказке, — писал он в письме брату из Центральной пересыльной тюрьмы 2 сентября 1916 года, — что там восстановятся все силы мои и молодость вернется... во сне я часто вижу дом наш, и сосны наши, и горки белого песку, и канавы, и все, все, до мельчайших подробностей...»

В юношеские годы Дзержинский был еще не в состоянии разобраться в причинах бесправия, дискриминации, нужды

и бедственного положения многих простых людей этой окраины царской России. Но в нем уже зрело острое чувство негодования, непримиримости, жажда борьбы за уничтожение существующих порядков. Ненависть к несправедливости, злу и лицемерию окружающей его жизни создавала в нем тот эмоциональный и нравственный заряд, который в дальнейшем определил его страстность, решимость и самоотверженность в борьбе за лучшее социальное общество.

Так формировался внутренний мир человека, избравшего трудный путь профессионального революционера. Время и окружение создавали уникальные условия, которые позволяли раскрыться незаурядным дарованиям этой личности. «Если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость», — писал Дзержинский 31 декабря 1908 года.

Поступив в гимназию, Феликс первые 2 года жил вместе с матерью, а в 1889–1895 годах — с братьями в частном пансионе под неусыпным контролем классных наставников и надзирателей гимназии. Это тяготило юного, воспитанного свободолюбивым Феликса. Обладая прекрасной памятью, отличными способностями, особенно к математике и физике, он учился хорошо, однако не мог переносить той фальши и несправедливости, которые насаждались в гимназии. Очень любил литературу, особенно поэзию, сам пробовал писать стихи, много читал, отлично знал произведения многих польских и русских классиков, изучал труды В. Г. Белинского и А. И. Герцена.

В гимназии, где учился Феликс, росло недовольство системой обучения, всей обстановкой лицемерия, доносов и слежки, созданной администрацией. Эти настроения молодежи разделял и гимназист Дзержинский.

В 6-м классе Феликс — уже убежденный атеист. Он старается осмыслить законы общественной жизни и отыскать в по-

литической литературе радикальные пути для уменьшения социальной несправедливости. Не случайно Дзержинский написал о себе: «...Идти мне пришлось ощупью, без руководства, без указаний от кого-либо...»

Большое влияние на формирование его мировоззрения в тот период оказала польская революционная литература. Он глубоко воспринял нравственные примеры стойкости таких революционеров, как Ярослав Домбровский, Валерий Врублевский, Константин Калиновский, Стефан Бобровский, Иван Франко, Людвик Варыньский. Сочувствие революционному движению, возникшее в результате прочитанного и увиденного в реальной жизни, стало приобретать новую форму и более глубокое социальное содержание, порождало жажду революционного действия.

В гимназии Феликс часто выступал в защиту несправедливо наказанных и преследуемых наставниками учеников, вследствие чего характеризовался руководством гимназии «как всем недовольный» гимназист, критикующий гимназические порядки, а наиболее реакционный преподаватель немецкого языка даже требовал исключения Дзержинского из гимназии.

В 1894 году, в 17 лет, учась уже в 7-м классе гимназии, Дзержинский вступил в нелегальный ученический социал-демократический кружок саморазвития. Там впервые стал изучать «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, работу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Эрфуртскую программу Социал-демократической партии Германии.

Из писем к родным и товарищам видно, как глубоко запали в душу юноши идеи научного коммунизма, как он постепенно становился на марксистские позиции. В этом же году вместе с небольшой группой единомышленников на горе Гедимины в Вильно они дали клятву «всю жизнь посвятить борьбе со злом и несправедливостью, за свободу и счастье тру-

дового народа». И как показала жизнь, этой клятве Дзержинский старался быть верным до последнего вздоха.

Осенью 1895 года 18-летний Дзержинский вступил в литовский социал-демократический кружок. Живя в пансионе, Феликс уже тогда осваивал правила конспирации и соблюдал определенную осторожность, он пытался выработать в себе необходимые для революционера-подпольщика черты характера: сдержанность, умение быстро ориентироваться, действовать четко, смело и решительно.

В декабре 1895 года в качестве представителя молодежи Вильно он участвовал в работе съезда нелегальных ученических кружков в Варшаве. Подавляющее большинство его участников придерживались националистических взглядов. Дзержинский уже тогда выступал как «решительный сторонник интернационализма». Вспоминая об этом выступлении, Б. Кошутский писал: «Уже эти первые выступления Феликса, тогда 18-летнего юноши, носили черты, характерные для всей его позднейшей деятельности: глубокую веру в правильность революционной идеи и вместе с тем твердую волю и стремление воплотить в жизнь эти идеи, бескорыстность и бескомпромиссность».

Под влиянием нарастающего революционного движения Дзержинский начинал понимать необходимость органической связи своей деятельности с интересами рабочих. Поэтому, проводя активную агитационно-пропагандистскую работу среди учащейся молодежи, всегда стремился найти понимание и у рабочих. С этой целью он изучал быт и досуг рабочих, вел кружки ремесленных и фабричных учеников, читал им запрещенную политическую литературу.

Все это способствовало тому, что революционные настроения Дзержинского оформились в глубокое чувство протеста против реакционного правящего слоя, возглавлявшего политическую и духовную жизнь Польши и Литвы. Именно в самодержавии он увидел основную причину бедственного поло-

жения трудящихся, и единственным путем борьбы с ним стал считать революционный путь.

Хотя Дзержинский учился хорошо, пребывание в гимназии тяготило его. Однако, не желая огорчать мать, которая хотела, чтобы ее сын получил образование, он продолжал учиться. В эти годы здоровье Елены Игнатьевны ухудшилось, она часто болела и 14 января 1896 года умерла. После смерти матери, весной 1896 года, Феликс решил целиком посвятить себя революционной борьбе. Поводом для прекращения учебы в последнем классе гимназии послужило объявление учителя русского языка о запрещении разговаривать на польском языке в классах, коридорах и других помещениях учебного заведения. Войдя в учительскую и обращаясь к особо ненавистному ему учителю, он заявил: «Вы сами готовите борцов за свободу! Неужели вы не понимаете, что национальное угнетение ведет к тому, что из ваших учеников вырастут революционеры?!»

Приближалось 1 мая 1896 года. Виленская социал-демократическая организация готовилась встретить этот день рабочими маевками. Дзержинский попросил поручить ему организацию первомайского праздника для ремесленных и фабричных учеников. Один из основателей Социал-демократической партии Литвы Андрей Домашевич дал на это согласие. Тайный митинг в Королинском лесу 1 мая 1896 года, организованный Дзержинским, стал отправной точкой его целеустремленной политической борьбы против самодержавия и буржуазии.

Основные нравственные качества Дзержинского — доброжелательность к людям, необходимые знания и твердость характера были сформированы еще в молодые годы, а дальнейшая активная революционная деятельность способствовала его становлению как профессионального революционера.

Приведем отрывки из воспоминаний о Дзержинском некоторых его соратников и современников:

Б. Шмераль (1880–1941) — деятель чехословацкого рабочего движения: «Дзержинский был воплощением... революционной энергии, революционной непреклонности, революционной дисциплинированности, самопожертвования и честности».

В. Менжинский (1874–1934) — председатель ОГПУ в 1926–1934 годах: «Дзержинский был очень сложной натурой при всей своей прямоте, стремительности и, когда нужно, беспощадности... Он действовал не только мерами репрессий, но и глубоким пониманием всех зигзагов человеческой души... В чем же был секрет его неотразимого действия на людей? Не в литературном таланте, не в ораторских способностях, не в теоретическом творчестве. У Дзержинского был свой талант, который ставит его на свое, совершенно особенное место. Это — моральный талант, талант непреклонного революционного действия и делового творчества, не остаивающийся ни перед какими препятствиями, не руководимый никакими побочными целями, кроме одной — торжества пролетарской революции».

Я. Ганецкий (1879–1937) — член заграничного бюро ЦК РСДРП(б), один из старейших деятелей польского и русского революционных движений: «Будучи строг к врагам Советской власти, он вместе с тем был в отношении к ним справедлив... Старые работники ВЧК помнят хорошо, как инструктировал их на этот предмет Дзержинский. Отношение к арестованным, даже к самым злейшим врагам, должно быть человеческое. Каждый работник ВЧК не должен был забывать, что не мстит, а вследствие необходимости самозащиты обезвреживает пролетарское государство от врагов».

Комендант Кремля П. Мальков рассказывал, что зимой 1919 года жены ответственных сотрудников, проживавших в Кремле, были мобилизованы на уборку снега на его территории. Он не включил в число мобилизованных жен Софью Сигизмундовну Дзержинскую, ему сразу же позвонил Дзер-

жинский и потребовал впредь его семье не предоставлять никаких привилегий.

С. Г. Тихомолов — шофер Дзержинского в 1918–1926 годах, рассказывал о том, каким отзывчивым и скромным человеком был Феликс Эдмундович, как навещал его в госпитале после автомобильной аварии, как вылавливал беспризорных детей и кормил их в своем кабинете.

Подобные воспоминания можно было бы продолжать, но суть высоких моральных качеств Дзержинского можно выразить, как нам представляется, следующими его собственными словами: «Мы, коммунисты, должны жить так, чтобы трудящиеся видели, что победой революции и властью мы пользуемся не для себя, а для блага и счастья народа».

В тюрьмах, ссылках и на каторге Дзержинский провел в общей сложности более 11 лет. 1 марта 1917 года он был освобожден революционными рабочими и солдатами из Бутырской каторжной тюрьмы в Москве. Уже 3 марта участвовал в собрании московской группы социал-демократов Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), постановившем поддерживать революцию в России и коллективно вступить в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). Был избран членом бюро группы и ее представителем в Московском комитете РСДРП. Принимал активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции.

С ноября 1917 года Дзержинский становится членом коллегии НКВД. 20 декабря того же года по предложению В. И. Ленина его назначают председателем ВЧК при СНК РСФСР, в задачу которой входила борьба с контрреволюцией и саботажем. Во главе органов государственной безопасности бесценно оставался до самой смерти.

Буржуазные средства массовой информации уже в то время писали много негативного по поводу террора, объявленного советской властью в ответ на белый террор, и, как они считали, инициатором террора был председатель ВЧК Дзер-

жинский. Рассказами о красном терроре и «ужасах» ЧК интервенты стремились прикрыть и свои чудовищные преступления — расстрел 26 бакинских комиссаров, массовые убийства коммунистов в Архангельске, а также зверства белогвардейцев, о которых они предпочитали не упоминать.

В ответ на это Дзержинский писал: «ВЧК может гордиться тем, что она была объектом неслыханной травли со стороны буржуазии... И никогда нашего красного террора в самые его ужасные минуты нельзя приравнять к маленькой капле белого террора, когда вешали рабочих целыми тысячами, вешали только потому, что они рабочие».

Что касается самого Дзержинского, то даже в этой литературе, в отличие от некоторых наших современников, его имя вынуждены были выделять. Дзержинский в их описаниях — фанатик своего дела, неумолимо твердый в ведении борьбы с контрреволюцией, но не истязатель, не взяточник, не маньяк, не кровопийца и не садист. Дзержинский даже в глазах идеологических противников — «рыцарь революции».

Будучи сам беззаветно преданным делу революции, Дзержинский и от всех чекистов требовал, чтобы их отличительными чертами, а не демагогической фразой были «чистые руки, горячее сердце, холодная голова», чтобы ни один чекист, ни один представитель органов власти не допускал ни малейших злоупотреблений своим положением, ни малейших нарушений социалистической законности. Так, в Приказе № 174 от 23 июня 1919 года, предоставлявшем всем губернским ЧК широкие полномочия в борьбе с бандитизмом, саботажем и вредительством, Дзержинский писал: «Вместе с этим ВЧК считает нужным указать, что суровое наказание ждет всех тех, кто вздумает злоупотреблять предоставленными ЧК правами. За применение прилагаемого декрета к каким-либо лицам в корыстных целях виновные будут расстреливаться».

Возглавляя ВЧК, Дзержинский руководил борьбой не только против шпионов и контрреволюционеров, но и против мародеров, бандитов и спекулянтов, требуя строгого наказания для всех нарушителей советских законов. Так, в августе 1918 года в обращении ВЧК (Отдела по борьбе со спекуляцией) в связи с разрешением «рабочим и беднейшему населению» Москвы ввозить в столицу по полтора пуда продовольствия Дзержинский предупреждал: «Чрезвычайная комиссия, стоящая на страже интересов трудящихся, предупреждает всех врагов рабочих и беднейшего населения, что суровая беспощадная кара ждет их за малейшее желание воспользоваться правами, предоставленными трудящимся. Все уличенные в скупке и перепродаже продуктов в целях спекуляции, систематически расстраивающие транспорт мешочники, различного рода мародеры будут сурово наказаны».

Столь же остро и решительно ставился в то время и вопрос о борьбе со взяточничеством. В декабре 1921 года через газету «Гудок» Дзержинский обратился с призывом прийти на помощь в борьбе со взяточниками. При этом он предупреждал, что «где бы неподаяй ни сидел: в кабинете ли за зеленым столом или в сторожевой будке, он будет извлечен и предстанет пред судом Революционного трибунала... так как нет пощады смертельным врагам нашего возрождения. Никакие обстоятельства не будут учитываться при вынесении приговора взяточнику. Самая суровая кара ждет его».

Вместе с тем Дзержинский постоянно заботился о недопустимости наказания невиновных. «Лучше 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, — писал он в записке И. С. Уншлихту, — чем послать неактивного в ссылку — оттуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас».

Важнейшим условием успешного решения практических задач строительства социализма было повышение роли и ответственности каждого, независимо от того, какое положение

он занимает в общей борьбе за победу революции. В связи с этим особое значение приобретают взаимоотношения Феликса Эдмундовича с руководителями партии и правительства. Он не был орудием в руках Ленина, а старался быть законопослушным гражданином и членом партии. Ленин доверял ему самые сложные и ответственные дела, которые требовали решительности, самоотверженности, быстроты, надежности, выражая свое доверие следующими фразами: «...надо, значит, поручить Дзержинскому — он сделает», или «...надо, чтобы это разобрал Дзержинский, у него тонкое чутье на правду».

Троцкий писал в своих книгах, опубликованных уже в эмиграции: «Дзержинский отличался глубокой внутренней честностью, страстностью характера и импульсивностью. Власть не испортила его. Но этих качеств не всегда хватало для тех задач, которые на него ложились. В эпоху Ленина не могло быть и речи о включении его в политбюро...»

Дзержинский и Ленин имели разные точки зрения по национальному вопросу, вопросу о Брестском мире, по позиции грузинских коммунистов о непосредственном вхождении в СССР, минуя Закавказскую Федерацию. Известны расхождения Дзержинского во взглядах по ряду вопросов с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным, с заместителем наркома юстиции Н. В. Крыленко, с членом политбюро, главным редактором газеты «Правда» Н. И. Бухариным, с председателем ВЦИК Л. Б. Каменевым и другими влиятельными политическими и хозяйственными деятелями.

Следует отметить, что Дзержинский спокойно относился к самому факту существования политической оппозиции. Он спорил с оппозиционерами по важным политическим и экономическим вопросам, но никаких административных мер против них не принимал. Его терпимость к различным взглядам на принимаемые решения подтверждается и тем фактом, что у него в ВСНХ занимал должность начальника

научно-технического отдела уже свергнутый с вершины власти, но достаточно популярный Л. Д. Троцкий.

Дзержинского недаром называли «железным Феликсом», хотя ничто человеческое ему не было чуждо. Очевидно, он не любил говорить о том, что происходит в его душе, хотя время от времени у него прорывались слова, показывающие, как нелегко ему было.

В письме из Минска, датированном 25 августа 1920 года, он пишет жене по поводу неудачного наступления советских войск под Варшавой: «...Опасение, что нас может постигнуть катастрофа, давно уже гнездились в моей голове, но военные вопросы не были моим делом, и было ясно, что политическое положение требовало риска... Наше поражение — результат не восстания Польши против “нашествия”, а нашей превышающей человеческие силы усталости и бешеной деятельности шляхетских сынов — польской белой гвардии...»

Еще более откровенные письма Дзержинский писал жене в январе 1922 года, когда работал в Сибири особоуполномоченным ВЦИК и СТО РСФСР по вывозу продовольствия в Москву, Петроград и голодающие районы Поволжья: «...Здесь работы очень много, и идет она с большим трудом. Она не дает тех результатов, которых мы ожидали и к которым я стремлюсь... Итак, работаем мрачные, напрягая все силы, чтобы устоять и чтобы преодолеть все новые трудности... Видишь — невеселое у меня настроение, и это, может быть, влияет на результаты моей работы и не дает мне возможности отдохнуть и избавиться от усталости. Я чувствую себя утомленным, хотя в сравнении с Москвой у меня работы меньше...»

Выполняя в Сибири работу невероятной трудности, Дзержинский не перестает учиться у жизни, и именно здесь, в глубинке, он понимает важность работы не только в центральном аппарате, но и на местах. В своих письмах жене от 7 и 20 февраля 1922 года он пишет: «...Я должен с отчаян-

ной энергией работать здесь, чтобы наладить дело, за которое я был и остаюсь ответственным. Адский, сизифов труд. Я должен сосредоточить всю свою силу воли, чтобы не отступить, чтобы устоять и не обмануть ожиданий Республики. Сибирский хлеб и семена для весеннего сева — это наше спасение...

Не раз я доходил здесь до такого состояния, что почти не мог спать — и бессильный гнев наводил меня на мысль о мести по отношению к этим негодьям и дуракам, которые здесь сидят. Они нас обманывали — здесь было совершенно пустое место. А среди масс, даже партийных, было равнодушные и непонимание того, какой грозный период мы переживаем... Этот месяц моего пребывания и работы в Сибири научил меня больше, чем весь предыдущий год, и я внес в ЦК ряд предложений.

И если удастся в результате адской работы наладить дело, вывезти все продовольствие, то я буду рад, так как и я и Республика воспользуемся уроком, и мы упростим наши аппараты, устраним централизацию, которая убивает живое дело, устраним излишний и вредный аппарат комиссаров на транспорте и обратим больше внимания на места, на культурную работу, перебросим своих работников из московских кабинетов на живую работу на местах...»

Однако уже в следующем письме он сомневается в возможности осуществить задуманное: «...А когда я вернусь, то мне не хотелось бы, чтобы текущие дела, как обычно, поглотили меня целиком — взяли меня в плен. Ибо сибирский опыт показал мне основные недостатки в нашей системе управления — их необходимо устранить. Без длительной борьбы это не удастся. Боюсь, что никто не захочет меня выслушать, так как и там, в Москве, так много текущей работы и момент настолько тяжелый, что, как это часто бывает, не найдется времени. Я пришел к неопровержимому выводу, что главная работа не в Москве, а на местах, что $\frac{2}{3}$ ответственных товарищей и спецов из всех партийных (включая и ЦК), советских

и профсоюзных учреждений необходимо перебросить из Москвы на места. И не надо бояться, что центральные учреждения развалятся. Необходимо все силы бросить на фабрики, заводы и в деревню, чтобы действительно поднять производительность труда, а не работу перьев и канцелярий. Иначе не вылезем. Самые лучшие замыслы и указания из Москвы даже не доходят сюда и повисают в воздухе. Я только теперь глубже погрузился в жизнь и хочу бороться за эту жизнь... И я вижу, как здесь без комиссаров и специалисты становятся иными. Институт комиссаров у нас в НКПС уже изжил себя, и надо будет ликвидировать его поскорее...»

И как итог — письмо жене уже из Харькова от 20 мая 1926 года: «Я вижу здесь новых людей, проблемы здесь ближе к земле и приобретают больше черт конкретности, к моим мыслям больше прислушиваются и откликаются на них... Я охотно переехал бы в провинцию на постоянную работу...»

В этих письмах Дзержинского все значительно, все наполнено глубоким внутренним смыслом. В настоящее время, когда пишут о ВЧК и ее руководителе, преднамеренно забывают упомянуть о том времени, в котором прошли короткие 9 лет защиты революции и начало строительства социализма. Забывают, что в то время рабочий класс ничего не имел, кроме гнилой картошки, трудящимся массам не во что было одеться, враги напирали со всех сторон, ВЧК в труднейших условиях, непрерывно, ежечасно, ежеминутно необходимо было выполнять свою работу по защите революции. Дзержинский как руководитель ВЧК, а затем — ГПУ–ОГПУ провел свою организацию сквозь строй действительно жестоких испытаний, создав аппарат, который по подбору сотрудников был одним из самых преданных делу революции. Его роль в создании и воспитании кадров была значительной, так как он влиял личным авторитетом, неустанной работой, отчаянной храбростью, постоянным, ни на минуту не пре-

кращающимся трудом. И эта работа была настолько тяжела, что требовала поистине железного характера.

У Дзержинского — человека беспощадной борьбы — всегда была мечта о таком строе, когда социальные условия больше не будут рождать не только неравенство, но и преступления. И только глубокое убеждение в том, что в сложившихся условиях всякое мягкосердечие может причинить бедствия и страдания миллионам людей, не позволяло ему выпускать из рук руководство ВЧК–ГПУ–ОГПУ, ибо не исчезли опасности от внутренней и внешней контрреволюции.

Будучи уже председателем ВСНХ, за 17 дней до смерти (3 июля 1926 года), он написал личное письмо члену Политбюро и заместителю главы правительства В. В. Куйбышеву, в котором признавался: «Как же мне, однако, быть? У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством... Если не найдем этой линии и темпа — оппозиция наша будет расти и страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции, — какие бы красные перья ни были на его костюме. Все почти диктаторы ныне — бывшие красные Муссолини, Пилсудский.

От этих противоречий устал и я... Я умоляю вас всех снять меня и поставить своего человека, т.е. такого, которому не пришлось бы испытывать столько сопротивления по всякому вопросу. Мне уже стало так тяжело постоянно быть жестким хозяином».

Таким образом, в политическом смысле Дзержинский в последние годы своей жизни находился между двумя лагерями. Он был против оппозиции (Каменев и Зиновьев), но и не принадлежал к сталинскому лагерю, хотя по указанию партии ОГПУ проводило в жизнь политику Сталина. Он жил в свете «установок и резолюций партии», считая, что они отвечают идеалам братства, человечности и служения людям, и всей

своей жизнью и деятельностью стремился к утверждению этих идеалов на земле.

Поэтому умер Дзержинский, скорее всего, счастливым человеком, поскольку его вера в светлое будущее социализма в те годы была неоспоримой.

Достоверно и то, что это была цельная и сильная личность, несущая на себе печать своего времени.

В заключение приведем слова Феликса Эдмундовича, которые, как нам представляется, существенно дополняют его портрет: «Я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступления, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов... чтобы не было угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды... Я хотел бы обнять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни».

